

ФЕЛИОС-7

РОМАН КУРТ

Роман Курт Гелиос-7

<https://litres.ru/74583869>

SelfPub; 2026

Аннотация

На изолированной орбитальной станции «Гелиос-7», где произошло загадочное убийство, бывшие возлюбленные — сломленный инженер и следователь с фотографической памятью — вынуждены вести расследование, распутывая не только преступный заговор, но и клубок взаимных обид десятилетней давности, когда их ошибка стоила жизни их другу.

Роман Курт Гелиос-7

Гелиос-7

Глава 1. Мёртвая тишина

Тишина на орбитальной станции никогда не бывает полной.

Она соткана из тысячи едва уловимых звуков, которые сливаются в единый, привычный уху гул: низкое гудение вентиляторов, гоняющих переработанный воздух по бесконечным трубам; тонкий, почти неслышимый писк датчиков, следящих за давлением, температурой, составом атмосферы; мерное постукивание насосов, качающих теплоноситель по контурам. Станция «Гелиос-7» дышала — вдох и выдох, вдох и выдох — и люди, обитавшие внутри её металлических недр, давно перестали замечать это дыхание, как не замечают биения собственного сердца.

Но Маркус Кейн, техник-стажёр с позывным «Салют», до сих пор слышал.

Он парил в центральной оси станции — в узком цилиндрическом коридоре, где гравитация отпускала свои права. Здесь, в самом сердце «Гелиоса-7», не было ни верха, ни низа, ни пола, ни потолка. Только металлические стены,

оплетённые кабелями и трубами, уходящие в обе стороны, в бесконечность. Маркус закрыл глаза и позволил себе на мгновение раствориться в ощущении: тело ничего не весит, кровь приливает к голове, а внутренности будто парят отдельно от скелета. На Земле, в тренировочном центре, невесомость казалась захватывающим аттракционом. Здесь, в замкнутом пространстве, она стала повседневностью — и всё равно оставалась чудом.

Он открыл глаза. Вдоль стен тянулись ряды поручней, закреплённые с точностью, которую могла обеспечить только корабельная инженерия. Кабельные каналы — жгуты проводов, перетянутые стяжками, подписанные маркерами: «ОСЬ-3. СЕКТОР Б. ПИТАНИЕ ЛАБОРАТОРИЙ». Маркус протянул руку, ухватился за поручень и подтянулся к одному из каналов.

Его задача на сегодня — проверить крепления новых оптоволоконных линий, которые тянули от командного центра к биолaborатории. Линии были проложены две недели назад, но кто-то из старших инженеров заметил, что стяжки, фиксирующие кабель к стене, могут ослабнуть из-за вибрации. «Мелочь, — подумал Маркус, доставая из кармана инструмент. — Но из мелочей состоит станция. Станция — это мелочи, свинченные воедино».

Он усмехнулся собственной мысли. Полгода назад он и представить не мог, что будет думать о станции как о живом существе. Тогда он был просто восторженным юнцом, кото-

рый выдержал три отборочных тура и получил путёвку на орбиту. «Салют, с твоими руками и головой ты далеко пойдёшь», — сказал ему инструктор на Земле. Маркус поверил.

Теперь он парил в оси, перебирал стяжки одну за другой и тихо напевал себе под нос. Мелодия была старой, земной, из детства — что-то из репертуара группы «Кино», которую любил его отец. Слова всплывали в памяти урывками: «И я хочу, чтобы лучи... нет, не так... И я хочу, чтобы...». Он сбился, замолчал, мотнул головой.

Стяжки держались крепко. Он проверил пятый крепёж, шестой, седьмой. На восьмом остановился: кабель чуть провис, миллиметров на пять. Маркус достал новую стяжку, приложил к месту, затянул. Пальцы в перчатках работали медленно, но уверенно. Он не любил спешить. Спешка в невесомости — прямой путь к травме. Инструкторы вбивали это в голову с первого дня подготовки: «В невесомости ты не упадёшь, но ты можешь врезаться. А врезаться в металл со скоростью пять метров в секунду — это как прыгнуть с крыши на асфальт».

Маркус помнил. Он вообще был внимателен к деталям — это качество отмечали все его наставники. Может быть, поэтому он и заметил то, что другие пропустили бы.

Это был свет.

Не тот ровный, холодный свет люминесцентных ламп, который заливал ось в дневные часы. И не тёплый янтарный отсвет аварийных панелей. Это было нечто иное — бледное,

синевато-зелёное свечение, которое пробивалось через щель в двери, ведущей в сектор биологической лаборатории. Оно пульсировало, то разгораясь, то почти угасая, и в этом ритме Маркусу почудилось что-то живое, что-то дышащее.

Он замер.

Сердце, до этого бившееся ровно, вдруг пропустило удар. Маркус медленно выдохнул, заставляя себя успокоиться. «Наверняка что-то с оборудованием, — сказал он себе. — Доктор Кляйн проводит калибровку. Или... или что-то с люминесцентными культурами. Он же выращивает там какие-то светящиеся бактерии».

Да, точно. Доктор Айзек Кляйн, глава научного отдела, уже неделю ставил опыты с биолюминесцентными штаммами. Маркус сам помогал ему настраивать инкубаторы. Свечение могло быть результатом этих экспериментов.

Но почему-то ему не становилось спокойнее.

Он оттолкнулся от стены и медленно поплыл к двери. Свет был странным. Слишком ярким для бактерий. И цвет — не тот. Бактерии доктора Кляйна светились мягким зелёным, а этот отблеск отдавал в бирюзу, в какой-то искусственный, неоновый оттенок.

Дверь в биологическую лабораторию была приоткрыта. Сантиметров на пять, не больше. Через щель Маркус видел край стола, закреплённого на стене, и угол какого-то прибора. Свечение исходило оттуда — из глубины помещения.

Ему следовало бы развернуться и уйти. Доложить дежур-

ному. Или связаться с доктором Кляйном. Или с главным инженером Киреевым. Протокол предписывал именно так: обнаружив нештатную ситуацию, сообщить ответственному лицу и не вмешиваться.

Но Маркус Кейн был любопытен. Слишком любопытен — это качество отмечали все его наставники, но уже с тревогой.

Он подплыл ближе.

Дверь скользнула в сторону от лёгкого прикосновения. Петли сработали бесшумно — спасибо смазке, которую Маркус сам менял две недели назад. Он вплыл внутрь.

Лаборатория тонула в полумраке. Основное освещение было выключено, и единственным источником света оставалось то самое загадочное свечение, которое теперь, вблизи, казалось ещё более тревожным. Оно шло из дальнего угла, из-за стойки с аналитическим оборудованием.

Маркус двинулся туда. Теперь он слышал ещё один звук — помимо гула вентиляции и собственного дыхания. Тихий, металлический щелчок. Потом ещё один. И ещё. Словно кто-то защёлкивал замки на контейнерах.

— Эй? — тихо позвал он. — Кто здесь?

Ответа не было. Но щелчки прекратились.

Маркус почувствовал, как по спине, несмотря на прохладу станционного воздуха, пробежал ручеёк пота. Он сделал ещё один гребок руками и обогнул стойку.

В углу, спиной к нему, стоял человек.

Маркус узнал его сразу — по сутулым плечам, по седым

волнистым волосам, по тонкой серебристой оправе очков, которую он заметил даже в полумраке. Доктор Айзек Кляйн.

Перед доктором, на столе, была открыта небольшая переносная камера — такие использовали для транспортировки биологических образцов, поддерживая внутри нужную температуру и стерильность. Из камеры и лилось то самое бирюзовое свечение. Айзек держал в руке какой-то предмет — небольшой, цилиндрический, похожий на пробирку, но из плотного, непрозрачного материала. Предмет светился изнутри.

Доктор замер. Он стоял совершенно неподвижно, и Маркус вдруг понял, что эта неподвижность — не спокойствие. Это была неподвижность зверя, который слышал шаги за спиной и ещё не решил, бежать или нападать.

— Доктор Кляйн? — голос Маркуса дрогнул. — Я.... я увидел свет. Подумал, что-то с оборудованием.

Айзек медленно обернулся.

Его лицо в бледном свечении казалось вырезанным из старой кости. Очки блеснули, скрыв на мгновение глаза. Затем он снял их — медленно, аккуратно, левой рукой, не отводя взгляда от Маркуса. Глаза у него были бледно-голубые, почти водянистые, и смотрели они не мигая.

— Маркус, — произнёс он тихо. Голос его был мягким, вкрадчивым, словно он разговаривал с испуганным животным. — Что ты здесь делаешь?

— Я.... я проверял крепления кабелей. В оси. И заметил

свет. Решил проверить.

— Свет, — повторил Айзек. Он перевёл взгляд на предмет в своей руке, будто только сейчас заметил его. — Да, свет. Красивый, правда?

Он сделал шаг к Маркусу. В невесомости шага не было — он просто оттолкнулся от стола и поплыл вперёд, по-прежнему держа светящийся цилиндр перед собой.

— Доктор, я... я не хотел мешать. Я просто...

— Ты просто любопытен. — Айзек остановился в метре от Маркуса. — Это неплохое качество. Для исследователя. Но для техника... — он качнул головой, — для техника любопытство может быть... неудобным.

Маркус сглотнул. В горле пересохло. Он не понимал, что происходит, но инстинкт — древний, животный инстинкт, доставшийся от далёких предков, — кричал ему: беги. Убейся отсюда. Немедленно.

Он оттолкнулся левой рукой от стойки, разворачиваясь к двери.

И в этот момент его ботинок задел поручень.

Звук вышел негромкий, но в тишине лаборатории он прозвучал как удар гонга. Металл звякнул о металл, и этот звук эхом разнёсся по помещению.

Айзек дёрнулся.

Маркус увидел, как изменилось его лицо. Мягкая, вкрадчивая маска исчезла, уступив место чему-то иному — чему-то холодному и сосредоточенному. Доктор сунул светя-

щийся цилиндр в нагрудный карман и оттолкнулся от стола.

Маркус бросился к двери.

Он был молод, быстр, тренирован. Но Айзек Кляйн прожил на станции четыре года и знал её геометрию так, как Маркус ещё не успел узнать. Доктор не поплыл за ним — он оттолкнулся в сторону, к стене, и нажал какую-то кнопку на щитке.

Дверь в лабораторию с шипением закрылась.

Маркус врезался в неё плечом. Панель даже не вздрогнула.

— Протокол безопасности, — раздался за спиной голос Айзека. — В случае утечки биоматериала двери автоматически блокируются. Я как раз работал с патогенами.

Маркус резко развернулся. Айзек парил посреди лаборатории, в двух метрах от него, между ними — столы с оборудованием. Доктор снова снял очки, медленно протёр их о край халата и водрузил на нос.

— Вы... вы что, собираетесь... — Маркус не договорил.

— Я собираюсь закончить работу, — перебил его Айзек.

— А ты собираешься мне помочь.

— Я ничего не видел, — быстро сказал Маркус. — Честно. Я не знаю, что это было. Я никому не скажу.

Айзек усмехнулся. Усмешка вышла странной — не злой, а почти печальной.

— Ты видел свет, Маркус. Ты видел то, что тебе не следовало видеть. И ты обязательно скажешь. Не сегодня. Так

через неделю. Или через месяц. Когда страх притупится, а любопытство вернётся. — Он покачал головой. — Ты всегда был любопытен. Слишком любопытен.

Маркус судорожно огляделся. Дверь заблокирована. Окно в лаборатории выходило в ось, но стекло было армированным, не разбить. Второй выход — шлюз для утилизации отходов — находился в дальнем конце, за спиной Айзека.

Он бросился туда.

Оттолкнулся от двери, пролетел над столом, ухватился за потолочный поручень, рванул себя вперёд. Айзек не двинулся с места — просто смотрел, как Маркус плывёт к шлюзу.

Шлюз был закрыт. Разумеется. Красная лампочка над панелью управления мигала, сигнализируя о блокировке.

— Я же сказал, — голос Айзека звучал почти ласково, — двери автоматически блокируются.

Маркус обернулся. Айзек плыл к нему — не быстро, но неотвратно, как приливная волна. В его руке снова появился цилиндр, вынутый из нагрудного кармана. Свечение пульсировало быстрее, словно возбуждённое происходящим.

— Что это? — выдохнул Маркус. — Что вы сделали?

— Я создал жизнь, — ответил Айзек. — Вернее, я создал материал, который ведёт себя как живой. Самовосстанавливающийся. Адаптивный. — Он говорил, и голос его теплел, наполнялся восторгом, который Маркус раньше слышал только на научных семинарах, когда доктор рассказывал о своих исследованиях. — Это прорыв, Маркус. Прорыв, ко-

торый изменит всё. Медицина. Строительство. Космическая инженерия. Всё.

— Тогда почему... почему вы скрываете?

Айзек остановился. Восторг в его глазах потускнел, уступив место чему-то тёмному, почти скорбному.

— Потому что они не поймут, — тихо сказал он. — Они сочтут это опасным. Они закроют проект. Они всегда закрывают. — Он поднял цилиндр, и Маркус увидел, как внутри, за матовой поверхностью, что-то медленно ворочается, словно живой сгусток. — А он не опасен. Он прекрасен. Если ты дашь ему шанс.

— Доктор, — голос Маркуса дрожал, но он заставлял себя говорить спокойно, — я понимаю. Я правда понимаю. Вы учёный. Вы сделали открытие. Но это не повод... не повод убивать.

Айзек моргнул. Будто слово «убивать» вырвало его из транса.

— Убивать? — повторил он. — Маркус. Мальчик мой. Я не собираюсь тебя убивать. Я не убийца.

Маркус почувствовал, как сердце, замершее было от страха, снова забилося — неуверенно, сбивчиво.

— Тогда отпустите меня. Я дам слово. Я...

— Нет, — сказал Айзек. — Отпустить я тебя не могу. Но и убивать — не убийца. — Он улыбнулся, и от этой улыбки Маркусу стало холоднее, чем от всего предыдущего. — Есть другие способы.

Он дёрнулся вперёд.

Маркус оттолкнулся от шлюза, уходя влево, к стойке с оборудованием. Айзек пролетел мимо, зацепился за поручень, развернулся. Они начали кружить по лаборатории, как два неуклюжих танцора, отталкиваясь от стен и приборов, меняя направление, падая друг на друга и разлетаясь.

Маркус был быстрее. Айзек был точнее. Он знал каждый угол, каждый выступ, каждую панель. И он использовал это знание, срезая углы, предугадывая движения, постепенно загоняя Маркуса в ловушку.

Они столкнулись у центрального стола. Маркус попытался оттолкнуть доктора, но тот перехватил его руку — пальцы у Айзека были неожиданно сильными, как стальные клещи. Маркус рванулся, задел ногой стойку с пробирками, и стекло брызнуло во все стороны, разлетевшись сверкающей дробью. Капли жидкости — какой-то культуры — повисли в воздухе, переливаясь в бирюзовом свете.

Маркус извернулся, ударил Айзека коленом в живот. Доктор охнул, но хватку не ослабил. Они закружились по оси, как два тела, слипшиеся в борьбе, и Маркус слышал его дыхание — тяжёлое, свистящее, с присвистом из-за сломанной когда-то перегородки носа.

— Пусти! — крикнул Маркус, изворачиваясь. — Пусти, и всё будет хорошо!

— Уже не будет, — прошептал Айзек. — Уже ничего не будет.

Маркус в отчаянии нащупал на поясе аварийный браслет — маленький передатчик, который каждый член экипажа носил на случай внештатной ситуации. Нажал кнопку, не глядя, не целясь, просто вдавил палец в пластик.

Браслет пикнул. Сигнал ушёл.

Айзек этого не заметил. Или не придавал значения. Он тянул Маркуса куда-то — к воздуховоду, вентиляционной решётке, возле которой они сейчас оказались. Решётка была снята — он сам её снял, понял Маркус, снял заранее, чтобы использовать воздуховод как...

— Нет, — выдохнул Маркус. — Нет!

Он рванулся из последних сил. Ударил локтем. Попал. Айзек ослабил хватку, и Маркус выскользнул, оттолкнулся, устремился к двери — не к заблокированному шлюзу, а к главному входу. Аварийная панель! Там должна быть аварийная панель, которая открывает двери вручную!

Но Айзек был уже здесь. Он появился сбоку, как тень, оттолкнувшись от потолка, и врезался в Маркуса всем телом. Удар вышиб воздух из лёгких. Маркус кувыркнулся, стукнулся плечом о косяк, отлетел в сторону.

И вот тогда Айзек толкнул его.

Толкнул точно — в проём, туда, где зияло тёмное жерло воздуховода. Маркус взмахнул руками, попытался зацепиться, но пальцы скользнули по гладкому металлу. Он полетел в темноту, кувыркаясь, и последнее, что он увидел, — силуэт доктора Кляйна на фоне бирюзового света, с поднятой ру-

кой, словно дающего благословение.

Затем — удар.

Голова. Острая, ослепительная вспышка боли. И тишина. Алексей Киреев не любил центральную ось.

Когда-то, в другой жизни, невесомость была для него источником радости — чистого, почти детского восторга. Он помнил свой первый полёт, помнил, как парил в учебной камере, раскинув руки, и чувствовал себя птицей. Помнил, как они с Дэвидом и Каей, во время миссии «Дедал-4», устранивали чехарду в отсеке для хранения грузов: оттолкнёшься от стены, пролетишь метров десять, перехватишься за поручень и отправишь следующего. Они тогда смеялись так, что слышно было, наверное, по всей станции.

Теперь невесомость напоминала ему только о том, что он потерял.

Алексей сидел в тесной каморке инженерного отсека, в жилом модуле, где искусственная гравитация прижимала тело к креслу не хуже земной. Он смотрел на экран, разбитый на шесть окон: данные телеметрии — давление в контуре охлаждения, температура реактора, уровень кислорода в отсеках, показания вибродатчиков. Цифры ползли по правому краю, монотонно обновляясь каждые две секунды.

Норма. Всё в норме. Так было вчера, так было позавчера, так было все четыре года его вахты на «Гелиосе-7».

Он поднял руку, потёр усталые глаза. Пальцы пахли машинным маслом и металлической пылью — привычный за-

пах, ставший за эти годы частью его самого. На тыльной стороне ладони — свежая царапина: вчера зацепил о край панели, когда менял фильтры в системе очистки воды. Царапина не болела. Почти ничего не болело.

Это было неплохое чувство — отсутствие боли. Физической, по крайней мере.

Он перевёл взгляд на фотографию, приклеенную к краю монитора. Старый снимок, выцветший по краям, с потрескавшейся глянцевой поверхностью. На нём — трое: он сам, десять лет моложе, с лицом, не тронутым ни сединой, ни цинизмом; Дэвид, вечно улыбающийся, с рыжей копной волос, развевающихся на ветру — снимок был сделан на Земле, на стартовой площадке, за день до запуска; и Кая — сосредоточенная, серьёзная, с планшетом в руках, смотревшая не в объектив, а куда-то в сторону, на горизонт.

«Дедал-4».

Он не знал, зачем хранил эту фотографию. Может быть, как напоминание. О том, что было. О том, что потеряно. О том, что уже никогда не вернётся.

Внезапно экран мигнул.

Алексей моргнул, подумав, что это усталость. Но нет — через секунду мигание повторилось, и в правом нижнем окне, том, что отвечало за мониторинг жизненных показателей членов экипажа, вспыхнул красный маркер.

Он наклонился ближе, вглядываясь в номер.

М-6. Маркус Кейн. Аварийный сигнал.

— Какого... — пробормотал Алексей, потянувшись к клавиатуре.

Сигнал шёл от браслета Маркуса. Он активировался вручную — кто-то нажал кнопку. Или автоматически, если датчики зафиксировали резкое изменение физиологических параметров: ускорение пульса, скачок давления, удар.

Алексей развернул карту станции. Точка Маркуса мигала в секторе биолоблатории, в центральной оси. Сектор Б.

Он потянулся к коммуникатору.

— Киреев вызывает Кейна. Маркус, ответь.

Тишина.

— Маркус, это Киреев. Твой браслет активировался. Ты в порядке?

Тишина.

Алексей встал с кресла. В жилом модуле гравитация держала его надёжно, шаги отдавались привычным эхом по коридору. Он вышел из инженерного отсека, свернул в коридор, ведущий к переходной галерее. По мере приближения к оси гравитация начинала слабеть — сначала едва заметно, потом всё сильнее. Алексей шёл, и с каждым шагом тело становилось легче, пока наконец пол не перестал давить на подошвы. Он привычно перехватился за поручни на стенах, позволяя себе всплыть, и оттолкнулся, направляясь в невесомость центральной оси.

Четыре года практики не прошли даром — он двигался по станции, как рыба в воде.

Дверь в инженерный отсек осталась позади. Коридор то-нул в полумраке — энергосберегающий режим, включённый после вечернего отбоя. Алексей плыл вдоль поручней, машинально отмечая каждую деталь: поцарапанная панель у шлюза «Ось-2», мигающий индикатор на распределительном щите, лёгкий запах озона, тянущийся из вентиляции.

Всё было, как всегда. И всё-таки что-то было не так.

Он чувствовал это. Не умом — телом. Как чувствуют приближение грозы: воздух густеет, становится тяжёлым, звенящим. Станция, его станция, которую он знал до последнего винтика, до последнего шороха, вдруг перестала быть знакомой. Она затаилась.

Алексей остановился у пересечения коридоров. Налево — продолжение оси, путь к биолaborатории. Направо — переход в жилой модуль, гравитация, каюты экипажа.

Маркус был в оси. Его браслет молчал.

Алексей свернул налево.

Переход в невесомость ощущался как погружение в воду: тело теряло вес, желудок подкатывал к горлу, внутренние органы меняли своё положение. Алексей давно перестал это замечать, но сейчас, в тишине ночной станции, ощущение было почти сюрреалистичным.

Он плыл к биолaborатории, и с каждым метром его тревога росла. Красный маркер на браслете Маркуса мог значить всё что угодно: несчастный случай, глупую шутку, сбой электроники. Но Алексей не верил в сбои. За четыре года на

«Гелиосе-7» он слишком хорошо изучил свои системы, чтобы верить в случайности.

Дверь в биолaborаторию была закрыта. Над ней горел красный индикатор блокировки.

Алексей нахмурился. С каких пор двери биолaborатории блокируются без объявления тревоги?

Он потянул за ручной привод, но панель не поддавалась. Тогда он достал инженерный планшет, подключился к локальной сети и ввёл код доступа. Система запросила подтверждение. Алексей ввёл. Через секунду на экране высветилось: «Дверь заблокирована. Причина: возможная утечка биоматериала. Протокол карантина».

Карантин? Ночью? Без оповещения?

— Чёрт, — прошептал Алексей.

Он снова полез в систему, на этот раз глубже, в логи безопасности. Дверь заблокировали вручную, около сорока минут назад. С терминала внутри лаборатории.

Сорок минут. Маркус активировал браслет примерно в это же время.

Алексей оттолкнулся от двери и поплыл в обход. В биолaborаторию был второй вход — через шлюз для утилизации отходов, но он тоже наверняка заблокирован. Оставался третий путь — технический туннель, проложенный за панелями, узкий настолько, что человек в скафандре едва протиснулся бы. Алексей знал о нём, потому что сам его спроектировал.

Туннель вёл от распределительного щита в оси к задней стенке лаборатории, где находился аварийный вентиляционный клапан. Если передвигаться медленно и не задевать кабели, можно добраться минут за десять.

Он полез.

В туннеле было темно. Тесное пространство давило на плечи и бёдра, заставляя тело изгибаться в неестественные позы. В невесомости нельзя было просто ползти — приходилось отталкиваться руками и ногами от стен, цепляться за кабельные каналы, подтягиваться, извиваться, как змея. Пыль витала в воздухе, оседая на лице, на губах, на ресницах. Алексей не обращал внимания.

Через несколько метров туннель свернул вправо. Алексей знал: за этим поворотом — смотровое окно в лабораторию. Маленькое, забранное решёткой, но достаточное, чтобы увидеть происходящее внутри.

Он добрался до окна и замер.

В лаборатории горел свет. Бирюзовый, неестественный, пульсирующий. Он шёл из угла, от стойки с аналитическим оборудованием. Алексей видел силуэты: один — доктор Кляйн, сутулый, с поднятой рукой. Второй...

Второго он не узнал сразу.

Тело парило в воздухе, в нескольких метрах от пола, зацепившись рукой за поручень. Голова запрокинута назад, конечности безвольно обвисли. Лицо...

Алексей похолодел.

Это был Маркус.

Сигнал тревоги прозвучал в 03:47 по корабельному времени.

Майор Виктор «Кремень» Стоун, начальник службы безопасности станции, находился в своей каюте, когда система оповестила его о срабатывании аварийного браслета. Он не спал — бессонница была его верной спутницей уже много лет, с тех самых пор, как он покинул лунную базу «Аристей» со шрамом на подбородке и приказом о переводе на «Гелиос-7».

Он лежал в койке, глядя в потолок, и слушал, как гудит вентиляция. Думал о рапорте, который нужно отправить на Землю. О дисциплинарном взыскании, которое грозил наложить на Еву Розен за очередное опоздание на смену. О том, что завтра — точнее, уже сегодня — нужно проверить состояние противопожарных систем в модуле «Б».

Когда прозвучал сигнал, он сел в койке, как от удара током.

— Стоун вызывает Кейна, — бросил он в коммуникатор.
— Маркус, ответь.

Тишина.

Майор вскочил, натянул форму, застегнул портупею. Движения были чёткими, отточенными десятилетиями службы, но внутри всё клокотало от ярости. Этот мальчишка, Маркус Кейн, вечно влипал в неприятности. То не закрепил контейнер, то забыл доложить о завершении обхода, то застрял в

шлюзе. И теперь — аварийный браслет посреди ночи.

— Если это очередная шутка, — пробормотал Стоун, выходя в коридор, — я его лично высеку.

Он зашагал по жилому модулю, чеканя шаг, не обращая внимания на сонную тяжесть в ногах. Коридор изгибался, уводя его к переходной галерее. По мере приближения к оси гравитация начала слабеть, и Стоун перестроился: перешёл с шага на плавные отталкивания, ухватившись за поручни. Он не любил невесомость. Она была неудобной, непредсказуемой, лишала его той твёрдой почвы, которая необходима военному для уверенности в каждом движении. Но он умел с ней справляться — и это было главное.

У двери в биолaborаторию он столкнулся с Такаши Моро.

Астрофизик парил в полумраке, скрестив руки на груди, и смотрел на красный индикатор блокировки. Его лицо было спокойно, как обычно, но в глазах, тёмно-карих, с лёгкой грустью, читалось что-то, похожее на предчувствие.

— Что здесь происходит? — резко спросил Стоун.

— Не знаю, — ответил Такаши. — Меня разбудил сигнал. Пришёл сюда. Дверь заблокирована.

Стоун подплыл к панели, ввёл код. Система отказала.

— Карантин, — прошипел он. — Какой, к дьяволу, карантин? Кто его объявил?

— Я проверял логи, — сказал Такаши. — Дверь заблокировали изнутри. Примерно час назад.

— Изнутри? — Стоун развернулся. — Кто был внутри?

— Судя по данным системы, — Такаши помолчал, — доктор Кляйн и Маркус Кейн.

Стоун выругался сквозь зубы.

— Свяжись с Кляйном. И с Киреевым. И с Евой. Пусть все будут здесь через пять минут.

Такаши кивнул и оттолкнулся, уплывая в сторону командного центра. Стоун остался у двери, вглядываясь в тёмное стекло. За ним не было видно ничего, кроме отражения собственного лица — квадратного, с тяжёлой челюстью, со шрамом на подбородке, который в полумраке казался глубже, чем был.

Он не знал, что происходит. Но он знал одно: что бы это ни было, оно ему не понравится.

Алексей выбрался из технического туннеля в распределительном щите оси, весь в пыли, с ссадинами на локтях и коленях. Он не помнил, как выбирался обратно, — только ощущение ледяного ужаса, растекающегося по венам, и единственная мысль, стучащая в висках: «Он мёртв. Он мёртв. Он мёртв».

Маркус. Солнечный мальчик. Стажёр, который постоянно улыбался. Который задавал слишком много вопросов. Который вечно попадал в неловкие ситуации. Который вчера ещё стоял рядом с ним в инженерном отсеке и спрашивал, как правильно калибровать датчики давления.

Теперь он висел в воздухе, как сломанная кукла, а доктор Кляйн стоял над ним с поднятой рукой.

Алексей зажмурился, отгоняя видение. Нет. Он не мог быть уверен. Может быть, Маркус просто без сознания. Может быть, доктор Кляйн пытался ему помочь. Может быть, всё не так, как выглядело.

Но что-то внутри него — то самое, что чувствовало станцию, как живой организм, — кричало: всё именно так. Всё именно так, как выглядело.

Он поплыл к биолaborатории, сам не зная зачем. Может быть, чтобы убедиться. Может быть, чтобы что-то сделать. Может быть просто потому, что больше идти было некуда.

У двери уже собрались люди. Стоун, прямой, как шомпол, с лицом, застывшим в маске официальной суровости. Такаши, спокойный, но с тенью тревоги в глазах. Ева Розен, всклокоченная, с размазанной по губам красной помадой, нервно перебирающая пальцами. И Оливия Шоу, биоинженер, бледная, прижавшая ладонь к губам. Все они парили в невесомости оси, цепляясь за поручни, — небольшое собрание встревоженных душ в металлическом чреве станции.

— Киреев! — рявкнул Стоун. — Ты где был?

— В техническом туннеле, — ответил Алексей. Голос его прозвучал хрипло, будто он долго молчал. — Я видел... — Он осёкся.

— Что ты видел? — Стоун подплыл к нему.

— Там, в лаборатории. Маркус. И доктор Кляйн.

— Что они делают?

Алексей покачал головой. Слова не шли. Он видел перед

глазами эту картину: тело Маркуса, парившее в воздухе, и доктора Кляйна, стоявшего над ним с поднятой рукой. Как благословляющего. Или как палача.

— Дверь заблокирована, — сказал он наконец. — Изнутри.

— Мы знаем, — отрезал Стоун. — Мы пытаемся её открыть уже десять минут. Система не поддаётся.

— Дайте мне, — сказал Алексей.

Он подплыл к панели, отстранил Еву, которая безуспешно колдовала над клавиатурой, и ввёл код экстренного доступа. Система запросила подтверждение. Алексей ввёл дополнительный идентификатор — отпечаток ладони. Панель под сканером мигнула зелёным.

— Дверь заблокирована вручную, — сообщил он. — Я могу снять блокировку, но на это уйдёт время. Минут десять.

— У нас нет десяти минут! — воскликнула Ева. — Там же Маркус! Он может быть ранен!

— Или мёртв, — тихо сказал Такаши.

Все обернулись к нему. Такаши парил у стены, скрестив руки, и смотрел на дверь с выражением глубокой, почти философской печали.

— Не говори так, — резко бросила Лив. Её голос дрожал. — Не смей.

— Я просто смотрю на факты, — ответил Такаши. — Аварийный браслет Маркуса активировался почти час назад. С тех пор сигнал не менялся. Если бы он был жив и в созна-

нии, он бы снова нажал кнопку. Если бы он был ранен и без сознания, браслет передавал бы данные о пульсе и давлении. Но он не передаёт ничего.

— Что это значит? — спросила Ева.

— Это значит, что браслет повреждён, — ответил Стоун.

— Или Маркус мёртв.

Тишина, повисшая в оси, была тяжелее, чем та, что стояла в невесомости. Даже вентиляция, казалось, приглушила свой гул, прислушиваясь.

Алексей смотрел на дверь. Станция молчала. Станция ждала.

— Я сниму блокировку, — сказал он.

Он работал молча, сосредоточенно, пальцы летали по клавиатуре. Стоун висел рядом, буравя взглядом. Ева нервно перебирала волосы. Такаши наблюдал. Лив отвернулась, прижавшись лбом к холодной стене.

Через восемь минут дверь щёлкнула.

— Открыто, — сказал Алексей.

Дверь скользнула в сторону. Из лаборатории пахло холодом и чем-то ещё — сладковатым, неприятным запахом, который Алексей не смог сразу распознать. Потом понял: так пахнет озон после короткого замыкания.

Свет внутри был тусклым, аварийным — бирюзовое свечение, которое он видел из туннеля, исчезло. Вместо него горела одинокая лампа над входом, отбрасывая длинные, дрожащие тени на стены.

Первым вошёл Стоун. За ним — Алексей. За ними — остальные.

Тело Маркуса они нашли не сразу.

Он отлетел от того места, где его видел Алексей, — видимо, поток воздуха из открывшейся двери сдвинул его. Теперь он парил в дальнем углу, возле шлюза для утилизации отходов, зацепившись ногой за поручень. Поза была неестественной: спина выгнута, руки раскинуты, голова запрокинута так, что лицо смотрело в потолок.

На лице застыло выражение. Не ужаса. Не боли. Скорее — удивления. Так, будто Маркус в последний момент не понял, что происходит.

— О боже, — прошептала Ева.

Лив ахнула и отвернулась, закрыв лицо руками. Такаши остался в дверях, сложив руки, как будто пришёл на похороны.

Стоун подплыл к телу, осторожно, не касаясь, осмотрел. Затем обернулся.

— Кляйна здесь нет.

Алексей огляделся. Лаборатория была пуста. Только приборы, стойки, разбитые пробирки, плавающие в воздухе осколки стекла. И тело Маркуса.

— Второй выход? — спросил Стоун.

— Шлюз утилизации, — ответил Алексей. — Он ведёт в технический отсек. Оттуда — в жилой модуль.

Стоун выругался.

— Ева, подними записи камер. Все камеры в секторе Б за последние два часа.

Ева кивнула и уплыла. Стоун снова посмотрел на тело.

— Киреев, ты видел Кляйна в лаборатории. Что он делал? Алексей помолчал. В горле стоял ком. Он сглотнул.

— Стоял. Над телом. С поднятой рукой.

— Что было в руке?

— Не знаю. Что-то светящееся. Цилиндр. Или пробирка. Стоун нахмурился.

— Ты уверен?

— Я видел то, что видел.

— Это не ответ. Ты был в туннеле, за решёткой, в темноте.

Ты мог ошибиться.

Алексей промолчал. Он знал, что не ошибся.

Доктора Кляйна нашли через полчаса.

Он сидел в своей каюте, в жилом модуле, одетый в чистый халат, с аккуратно зачёсанными волосами и выражением глубокой усталости на лице. Когда Стоун вошёл — уже под действием привычной гравитации, шагая по полу, — Кляйн поднял голову и посмотрел на него так, будто ждал.

— Майор, — сказал он. — Я как раз собирался к вам.

Стоун остановился в дверях.

— Доктор, — медленно произнёс он. — Вы знаете, что произошло в биолaborатории?

Кляйн моргнул. Лицо его осталось бесстрастным.

— Я знаю, что там произошла трагедия, — сказал он. —

Я был там. Я пытался помочь.

— Помочь? — Стоун шагнул внутрь. — Помочь кому?

— Маркусу, разумеется. — Кляйн снял очки, протёр их о край халата. — Он пришёл в лабораторию, когда я проводил эксперимент. Оступился. Ударился головой. Я пытался оказать первую помощь, но... — Он развёл руками. — У меня не получилось.

— Оступился? — переспросил Стоун. — В невесомости?

— Зацепился за поручень. Потерял равновесие. Полетел в сторону воздуховода. Там открытая решётка — я снял её для чистки. Он врезался в балку. — Кляйн говорил ровно, без запинок, и от этого его слова казались ещё более фальшивыми. — Я хотел его остановить, но не успел.

Стоун молчал. Он смотрел на доктора, и в его глазах, маленьких, карих, буравящих, читалось сомнение.

— Почему вы не сообщили о происшествии? — спросил он наконец.

— Я был в шоке. — Кляйн опустил глаза. — Я запер дверь, чтобы... чтобы сохранить место происшествия. А потом почувствовал себя плохо. Давление. Сердце. Пришлось уйти в каюту.

— Через шлюз утилизации?

— Да.

— И вы не подумали, что нужно кого-то позвать? Что Маркус, возможно, ещё жив?

Кляйн поднял глаза. В них стояла влага.

— Я видел его. Он был мёртв.

Стоун долго смотрел на него. Потом повернулся к двери.

— Доктор, — сказал он, не оборачиваясь, — я обязан задержать вас до выяснения обстоятельств.

— Я понимаю, — тихо ответил Кляйн. — Я готов сотрудничать.

Алексей стоял в куполе обсерватории, в жилом модуле, у широкого панорамного окна, и смотрел на звёзды.

Купол был его убежищем. Здесь, под прозрачным колпаком, в зоне искусственной гравитации, он чувствовал себя ближе к тому, что потерял. Космос раскидывался во все стороны — безмолвный, равнодушный, прекрасный. Он не судил. Он не утешал. Он просто был.

Алексей прижал ладонь к холодному стеклу. Стекло отозвалось лёгким дрожанием — где-то в глубине станции работали двигатели коррекции.

Маркус мёртв.

Эта мысль не укладывалась в голове. Она была слишком чужой, слишком неправильной, как гвоздь, вбитый в гладкую поверхность реальности. Маркус был живым. Слишком живым для этого мира, где люди годами дрейфовали в металлических коробках, привыкая к одиночеству и тишине.

Алексей вспомнил, как впервые увидел Маркуса. Три месяца назад. Шлюз открылся, и оттуда вышел — вплыл — улыбающийся парень с голубыми глазами и копной светлых волос. Он с порога начал задавать вопросы: «А как устроена

система очистки воды? А можно посмотреть на реактор? А правда, что в оси невесомость чувствуется иначе, чем в тренировочной камере?»

Алексей тогда подумал: «Надолго его не хватит. Энтузиазм выветрится через месяц».

Он ошибся. Маркус продержался три месяца, и его энтузиазм не выветрился. Он изменился, стал спокойнее, но не потерял главного — того внутреннего света, который заставлял всех вокруг чувствовать себя немножко живыми.

Теперь этот свет погас.

Алексей оторвал ладонь от стекла. Пальцы оставили на холодной поверхности туманный след, который медленно таял.

В коммуникаторе щёлкнуло.

— Киреев, — раздался голос Стоуна. — Тебя ждут в командном центре. Через час.

— Зачем?

— Ты последний, кто видел Кляйна и Маркуса вместе. Ты дашь показания.

— Я уже дал.

— Дашь ещё раз. Официально. — Пауза. — И, Киреев...

— Что?

— Никому не рассказывай о том, что видел. Пока не разберёмся.

Алексей усмехнулся. Усмешка вышла кривой, невесёлой.

— Поздно, майор. Уже вся станция знает.

Стоун выругался и отключился.

Алексей остался один. Звёзды смотрели на него, не мигая. Где-то там, за миллионы километров, горела маленькая голубая планета, на которой когда-то жили люди, не знавшие, что такое невесомость. Теперь эти люди строили станции, запускали ракеты, исследовали космос. И космос отвечал им — то светом далёких галактик, то холодом бесконечной пустоты, то смертью.

Алексей закрыл глаза.

Он видел перед собой тело Маркуса. Парившее в воздухе, как сломанная кукла. И доктора Кляйна, стоявшего над ним с поднятой рукой.

Он видел.

Он помнил.

И он не мог ничего изменить.

Ева Розен сидела в командном центре, перед консолью, и пыталась наладить связь с Землёй.

Пальцы её дрожали. Обычно они двигались уверенно, порхая над клавиатурой, как у пианиста, но сегодня что-то сломалось — внутри неё, не в системе. Она набирала команды, отправляла запросы, но канал молчал, будто на другом конце Вселенной не было никого, кто хотел бы ответить.

— Чёрт, — прошептала она, в пятый раз проверяя настройки. — Чёрт, чёрт, чёрт.

— Язык, — раздался голос за спиной.

Ева вздрогнула и обернулась. В дверях стоял Такаши. В гравитации командного центра он не парил, а стоял, опира-

ясь о косяк, и его появление было столь внезапным, что Ева едва не вскрикнула.

— Не подкрадывайся так! — выдохнула она.

— Я не подкрадываюсь, — ответил Такаши. — Просто ты слишком погружена в работу.

Он приблизился, вглядываясь в экран.

— Связь не работает?

— Помеха. — Ева ткнула пальцем в график, на котором плясала кривая шумов. — Вот. Появляется каждый раз, когда я пытаюсь отправить сигнал. Как будто кто-то глушит.

— Кто-то?

— Или что-то. — Ева потёрла лицо. Помада размазалась, оставив на щеке красный след. — Я не знаю. Может быть, атмосферная аномалия. Может быть, сбой в оборудовании. Может быть... — Она замолчала.

— Может быть, саботаж, — закончил Такаши.

Ева посмотрела на него. В её карих, вечно бегающих глазах застыл страх.

— Ты думаешь?

Такаши помолчал. Потом покачал головой.

— Я ничего не думаю. Я просто смотрю на факты. — Он перевёл взгляд на экран. — Факт первый: Маркус мёртв. Факт второй: доктор Кляйн был в лаборатории. Факт третий: связь с Землёй заблокирована. — Он сделал паузу. — Вывод напрашивается сам собой.

— Но доктор Кляйн говорит, что это несчастный случай,

— прошептала Ева.

— Доктор Кляйн говорит то, что ему выгодно.

Ева отвернулась к экрану. Плечи её дрожали.

— Мне страшно, Такаши. Очень страшно.

Такаши ничего не ответил. Он стоял рядом, скрестив руки, и смотрел на далёкую Землю, которая была сейчас лишь точкой на экране монитора — бледно-голубой, одинокой, недостижимой.

Лив Шоу, сидела в своей каюте, поджав колени к подбородку, и смотрела на фотографию.

Снимок был старым, потрескавшимся по краям. На нём — мужчина с рыжими волосами, улыбающийся так, будто весь мир был создан для того, чтобы его радовать. Рядом — женщина, нежная, с добрыми глазами. И маленькая девочка с копной огненно-рыжих волос, прижимающаяся к отцу.

Лив, не помнила, когда была сделана эта фотография. Наверное, до того, как отец улетел. До того, как всё изменилось.

Она прижала снимок к груди и закрыла глаза.

Маркус был мёртв. Ещё одна смерть. Ещё одна нить, связывающая её с прошлым, оборвалась.

Лив, сглотнула подступивший к горлу ком. Она не имела права плакать. Не здесь. Не сейчас. Она должна быть сильной — ради того, зачем прилетела. Ради правды.

Она спрятала фотографию под подушку и легла, свернувшись калачиком. Вентиляция гудела. Станция дышала. Где-то далеко, в оси, в невесомости, парило тело Маркуса, осты-

вая в холодном воздухе.

Лив закрыла глаза.

Сон не шёл.

Ночь на станции «Гелиос-7» была похожа на все остальные ночи. Та же тишина, тот же гул, то же ощущение замкнутого пространства, парящего в пустоте. Но что-то изменилось. Что-то сломалось — не в системах, не в механизмах, а в самих людях.

Алексей лежал в своей каюте, в жилом модуле, глядя в потолок. Гравитация прижимала его к матрасу, но он всё равно чувствовал себя так, будто парит в пустоте. Мысли кружились в голове, как тело Маркуса в невесомости, не находя покоя.

Он думал о докторе Кляйне. О его бледных глазах, о его вкрадчивом голосе. О том, как он стоял над телом Маркуса, с поднятой рукой, освещённый бирюзовым сиянием.

Он думал о том, что завтра будет длинный день. Допросы. Отчёты. Похороны — если можно так назвать церемонию, когда тело отправляют в утилизатор, потому что на станции нет земли для могилы.

Он думал о Кае.

Она не выходила из его мыслей. Никогда не выходила. Даже сейчас, спустя десять лет, она была здесь — невидимая, но присутствующая, как эхо, как тень, как шрам, который не заживает.

Алексей закрыл глаза.

Перед его внутренним взором всплыло лицо. Острые черты, серые глаза, волосы, собранные в строгий узел. Голос — холодный, но в глубине его, как вода подо льдом, жило что-то тёплое.

«Ты всегда был трусом, Алекс».

Он не знал, было ли это воспоминание или просто плод воображения. Но слова звучали так отчётливо, будто она произнесла их только что, стоя у его койки.

Он открыл глаза. В каюте было пусто.

Только станция, как живой организм, дышала вокруг него — вдох и выдох, вдох и выдох — и ждала рассвета, который в космосе не наступал никогда, потому что солнце здесь восходило и заходило каждые девяносто минут, и ночь сменялась днём, а день — ночью, без конца и без начала.

И в этой вечной смене света и тьмы, посреди холодной пустоты, смерть Маркуса Кейна была лишь крошечной вспышкой, которая погасла, не оставив следа.

Но для Алексея она была той самой вспышкой, из которой рождается новая звезда. Или, возможно, чёрная дыра.

Он лежал, глядя в потолок, и ждал, когда закончится ночь.

Она не заканчивалась.

Последнее, что увидел Маркус Кейн перед смертью, — силуэт доктора Кляйна на фоне бирюзового света, с поднятой рукой, словно дающего благословение. Это воспоминание умерло вместе с ним, но эхо его, отражённое в логах аварийных систем, в показаниях датчиков, в тревожных сигналах

лах браслета, продолжало жить — тихое, неумолимое, как дыхание станции, которая всё видела и всё запомнила.

Станция молчала. Но молчание её было не пустым.

Оно было наполнено вопросом, на который ещё никто не знал ответа.

Глава 2. Гостя из прошлого

Стыковочный шлюз «Гелиоса-7» встретил её тишиной, в которой таился запах. Так пахнет воздух, прошедший через тысячи фильтров и регенераторов: стерильный, лишённый земли, как дистиллированная вода, в которой нет ни вкуса, ни воспоминаний. Но под этой стерильностью, если приняться, если сосредоточиться, можно было уловить иное — железо, нагревшееся от трения при стыковке, чуть сладковатый аромат смазки, следы человеческого пота, застывшие в волокнах уплотнителей. Станция пахла жизнью, которую изо всех сил пытались сделать невидимой, — и этот запах мгновенно воскресил в памяти Каи Новак десятки других шлюзов, других станций, других расследований.

Она стояла в переходном тамбуре, ожидая, пока автоматика завершит цикл выравнивания давления. Свет здесь был холодным, люминесцентным, безжалостно ровным — такой свет не прощает морщин, не скрывает усталости. Кая знала, как выглядит в этом свете: бледная, с заострившимися от недосыпания чертами, с волосами, убранными в тугой узел,

который стягивал кожу на висках чуть сильнее, чем нужно. Форма МУБ — чёрный комбинезон с серебристой эмблемой на груди — сидела на ней как доспехи, и это было не случайно. Она давно перестала разделять одежду и защиту.

Пальцы сжимали планшет. Тонкий, матовый, с погашенным экраном — пока погашенным. Ещё несколько минут, и он оживёт, наполнится данными, станет её вторым зрением. А пока — только ожидание. Только тишина шлюза и мерное гудение насосов за переборками.

Она закрыла глаза — на три секунды, не больше. Мысленно пролистала вводные материалы дела, которые получила на Земле. Станция «Гелиос-7», сектор Б, центральная ось. Жертва — техник-стажёр Маркус Кейн, тридцать лет, шесть месяцев на станции. Обнаружен в биологической лаборатории доктора Айзека Кляйна с травмой головы, несовместимой с жизнью. Основной подозреваемый — сам доктор Кляйн, задержан начальником службы безопасности майором Стоуном. Связь с Землёй нестабильна, канал блокирован помехой неизвестного происхождения.

Сухие факты. Чистые, как хирургический скальпель.

Шлюз щёлкнул — низкий, утробный звук, от которого что-то отозвалось в груди. Кая открыла глаза. Внутренняя дверь медленно поползла в сторону, открывая проход в недра станции. На пороге, в тусклом аварийном освещении, её уже ждали.

Майор Виктор Стоун. Она узнала его по досье, хотя оно,

как обычно, не передавало и половины. Коренастый, квадратный, с военной выправкой, которая казалась почти вызывающей в невесомости переходного отсека. Стоял, ухватившись за поручень, расставив ноги так, будто под ними был твёрдый пол, а не зияющая пустота шахты. Лицо — рубленое, с тяжёлой челюстью, глубоким шрамом на подбородке, маленькими карими глазами, которые смотрели на неё с плохо скрытой враждебностью. Форма на нём сидела безупречно, стрелки отглажены, ботинки начищены — и это на станции, где каждый грамм веса на счету, где пыль витает в воздухе, оседая на всём, что не пристёгнуто. Стоун был человеком, который борется с хаосом, наводя внешний порядок. Кая сразу это поняла.

Рядом с ним, чуть позади, парил второй. Высокий, сутулый, с седыми волнистыми волосами, зачёсанными назад, с аккуратной седой бородкой-эспаньолкой. На носу — тонкие очки в серебристой оправе, за которыми прятались бледно-голубые, почти водянистые глаза. Доктор Айзек Кляйн. Тот самый. Подозреваемый.

Кая отметила странность: подозреваемый встречал её наравне с начальником безопасности. Не был заперт в каюте, не находился под арестом. Значит, Стоун ограничился полумерами. Или не поверил в вину Кляйна. Или — что вероятнее — не захотел портить отношения с главой научного отдела раньше времени.

— Следователь Новак, Межпланетное управление без-

опасности, — произнесла она, не дожидаясь, пока кто-то заговорит первым. Голос прозвучал ровно, холодно, как лёд, тронутый первым осенним заморозком. — Я прибыла для расследования обстоятельств смерти Маркуса Кейна.

Стоун сделал шаг вперёд — вернее, оттолкнулся от поручня и подплыл ближе, стараясь сохранить при этом достоинство. Получалось не очень: невесомость не прощала тем, кто слишком старался выглядеть твёрдым.

— Майор Стоун, — представился он. — Начальник службы безопасности станции. Рад, что вы прибыли так быстро. Хотя, признаться, мы не ожидали, что управление пришлёт именно вас.

Последняя фраза была произнесена с лёгким нажимом, почти незаметным, но Кая уловила его безошибочно. «Мы не ожидали именно вас». Значит, её имя уже обсуждали. Значит, Стоун успел навести справки, пока она летела. Или кто-то на станции знал о её прошлом с Киреевым.

— Доктор Айзек Кляйн, — раздался тихий, вкрадчивый голос. Кляйн тоже приблизился, но в его движениях не было той натужной официальности, что у майора. Он парил с естественностью человека, давно смилившегося с невесомостью. — Глава научного отдела. Соболезную. Маркус был... — он сделал паузу, подбирая слово, — подающим надежды сотрудником.

Кая перевела взгляд на него. Эйдетическая память мгновенно зафиксировала каждую деталь: длинные пальцы с жел-

товатыми пятнами от химикатов, чуть подрагивающие, когда он поправлял очки; тёмные круги под глазами, выдававшие хроническое недосыпание; лёгкая асимметрия зрачков — возможный признак недавнего стресса или приёма стимуляторов. И ещё — запах. Едва уловимый, но навязчивый. смесь антисептика и чего-то сладковатого, приторного, как гниющая органика.

— Я ознакомлюсь с делом, — сказала Кая. — Майор, проводите меня в командный центр.

Стоун нахмурился. Ему явно не понравился приказной тон, но возражать при подозреваемом он не стал. Лишь кивнул, развернулся в воздухе и направился к внутренней двери, ведущей в глубь станции.

Кая последовала за ним, не оглядываясь. Она знала, что Кляйн смотрит ей в спину.

Переход из шлюза в основной объём станции всегда ощущался как погружение. Сначала — теснота технических коридоров, где стены смыкались так близко, что можно было, раскинув руки, коснуться обеих одновременно. Потом — постепенное расширение пространства, появление рёбер жёсткости, кабельных трасс, пультов управления. И, наконец, — центральная ось, где невесомость вступала в свои права, и мир переворачивался: потолок становился стеной, стена — полом, а пол — бездонным колодцем, уходящим в бесконечность.

Кая двигалась уверенно, без лишней суеты. За годы служ-

бы она привыкла к невесомости, как привыкают к чужому языку: свободно, но с едва заметным акцентом. Отталкивалась от поручней ровно настолько, чтобы плыть в нужном направлении, не теряя контроля. Стоун плыл впереди, демонстративно не глядя на неё. Кляйн держался сзади, молча, как тень.

Коридоры станции разворачивались перед ней, как плёнка, — и её память снимала каждый кадр. Поцарапанная панель у перехода «Ось-2». Мигающий индикатор на распределительном щите — частота мигания не совпадает с нормой, кто-то вмешивался в настройки. Запах озона, тянущийся из вентиляции, — слабый, но отчётливый. Следы подтёков на потолке — возможно, конденсат, а возможно, утечка теплоносителя.

Её разум автоматически сортировал эти детали, раскладывал по полочкам, монтировал в последовательность. Это был её дар, и её проклятие. Она не могла не замечать. Не могла не запоминать. Каждая царапина, каждая трещина, каждая капля застывали в её памяти с фотографической точностью, и требовали объяснения, и не давали покоя, пока объяснение не находилось.

Так было всегда. С самого детства.

Она помнила, как впервые узнала о своей особенности. Ей было девять лет, и она увидела, как мать плачет над письмом, в котором было написано что-то плохое. Кая не знала, что именно, — письмо было сложено, и она не видела текста. Но

она запомнила всё остальное: угол, под которым падал свет из окна, запах жареной картошки с кухни, трещину на чашке, из которой мать пила чай, звук её дыхания — прерывистый, как рассыпающийся бисер. И потом, через много лет, когда мать уже умерла, Кая могла вызвать эту сцену в памяти и увидеть её заново, во всех деталях, но так и не понять, о чём было то письмо.

Тогда она поклялась себе, что будет помнить всё. Что никогда не позволит себе забыть ни одной детали. Потому что в деталях скрывается смысл. Потому что истина — это всего лишь правильная последовательность кадров.

Она ошиблась. Истина оказалась сложнее.

— Следователь Новак, — голос Стоуна вырвал её из размышлений. Они остановились у двери в командный центр — просторного помещения, где царила искусственная гравитация, и пол вновь становился полом, а стены — стенами. — Прежде чем мы начнём, я хотел бы прояснить одну вещь.

Кая обернулась. Стоун стоял в дверях, загораживая проход, и вид у него был такой, будто он собрался прыгнуть с обрыва.

— Слушаю, — сказала она.

— Вы ведь знаете главного инженера станции. Алексея Киреева.

Это был не вопрос. Утверждение. Кая почувствовала, как где-то под рёбрами что-то сжалось — маленький ледяной комок, который всегда был там, сколько она себя помнила.

— Да, — ответила она. — Мы работали вместе. Давно.

— На «Дедале-4», — добавил Кляйн, стоявший позади. Он произнёс это мягко, но в этой мягкости было больше яда, чем в любом обвинении. — Я читал отчёты.

Кая не повернулась к нему. Она продолжала смотреть на Стоуна, и её лицо оставалось бесстрастным, как поверхность замёрзшего озера.

— Если вы намекаете на конфликт интересов, — сказала она, — то напрасно. Я здесь для расследования убийства, а не для сведения старых счетов.

— Убийства? — Стоун вскинул брови. — Доктор Кляйн утверждает, что это был несчастный случай.

— Доктор Кляйн утверждает, — повторила Кая, и в её голосе впервые прорезалась сталь. — А я утверждаю, что до завершения расследования никто на этой станции не имеет права что-либо утверждать. Кроме меня.

Повисла тишина. Стоун смотрел на неё, и в его карих глазах читалась сложная гамма чувств: раздражение, уязвлённое самолюбие, но также — невольное уважение. Он был военным и понимал, что такое субординация, даже если не хотел с ней мириться.

Кляйн молчал. Очки блестели, скрывая выражение его глаз.

— Командный центр дальше по коридору, — сказал наконец Стоун, отступая в сторону. — Ева Розен, наш специалист по связи, ждёт вас. Она соберёт все логи.

— И ещё, — добавила Кая, проходя мимо него. — Мне нужен доступ к каюте жертвы. И к биолaborатории. И к телу.

— Тело перенесено в медицинский отсек, — сказал Кляйн. — Я провёл первичный осмотр.

Кая задержала шаг.

— В следующий раз, доктор, — произнесла она, не оборачиваясь, — прежде чем прикасаться к телу, дождитесь следователя. Это протокол.

Она почувствовала, как напрягся воздух за спиной. Но Кляйн ничего не договаривал.

Кая нормально чувствовала себя под действием искусственной гравитации. Невесомость была только в шлюзе и Оси, и в биолaborатории. Командный центр встретил её гулом работающих консолей и запахом кофе — дешёвого, из автомата, выветрившимся до состояния горькой эссенции. Кая отметила этот запах, но не позволила себе отвлечься. Она обвела помещение взглядом, фиксируя каждую деталь.

Центр был небольшим, но функциональным. Три ряда консолей, главный экран во всю стену, панорамные иллюминаторы, сквозь которые лился звёздный свет — холодный, бесконечный, равнодушный. На потолке — пучки кабелей, стянутые пластиковыми хомутами; на полу — царапины от подошв, складывающиеся в причудливый узор, если смотреть долго. Вентиляция гудела громче, чем в коридорах, — здесь она должна была охлаждать серверы, работающие круглосуточно.

За одной из консолей сидела женщина — худая, с копной тёмных вьющихся волос, которые она безуспешно пыталась уложить в строгий узел. Из узла выбивались непослушные пряди, обрамляя лицо, на котором застыло выражение панической сосредоточенности. Ярко-красная помада на губах казалась чужеродной в этом царстве стерильности — как тропический цветок, выросший в арктической пустыне. Ногти обгрызены, на блузке — пятно от кофе, свежее, ещё влажное. Ева Розен.

Она подняла голову, когда Кая вошла, и в её больших карих глазах промелькнуло что-то похожее на испуг.

— Вы, должно быть, следовательно, — затараторила она, вскакивая со стула. — Ева Розен, связь и IT. Я собирала логи, как вы просили. То есть, как майор просил. То есть, как... — Она осеклась, запутавшись в собственных словах.

Кая подошла к консоли.

— Покажите, что у вас есть, — сказала она.

Ева закивала, плюхнулась обратно в кресло и забегала пальцами по клавиатуре. На главном экране вспыхнули окна с данными: временные метки, коды систем, графики телеметрии.

— Вот логи доступа в сектор Б за последние двадцать четыре часа. Вот данные с браслета Кейна — точнее, то, что удалось восстановить. Вот записи камер... — Она запнулась. — Точнее, их отсутствие.

Кая нахмурилась.

— Что значит «отсутствие»?

— Камеры в центральной оси отключены. Кто-то стёр записи за последние два часа перед инцидентом. — Ева говорила быстро, глотая окончания, и её пальцы непрерывно двигались, перебирая край клавиатуры. — Я пыталась восстановить, но данные перезаписаны. Это не сбой. Это саботаж.

Саботаж. Слово повисло в воздухе, как дым.

— Кто имел доступ к системе видеонаблюдения? — спросила Кая.

— Я, майор Стоун, главный инженер Киреев. Ну, и... доктор Кляйн. У него был доступ для контроля за экспериментами в лаборатории.

Кляйн. Снова он. Все нити сходились к нему, как паутина к центру.

— А связь с Землёй? — спросила Кая. — Мне сказали, она заблокирована.

Ева развела руками.

— Помеха. Источник я пока не определила. Сигнал уходит, но в обратную сторону приходит только шум. Как будто кто-то глушит канал изнутри.

— Изнутри станции?

— Похоже на то. Но я не уверена. Может быть, это атмосферная аномалия. Или сбой в ретрансляторе. Я работаю над этим.

Кая молча смотрела на график помех, который Ева вывела на экран. Кривая шумов пульсировала с неестественной ре-

гулярностью — то усиливаясь, то затухая, как дыхание спящего человека. В этом ритме было что-то настораживающе организованное, что-то задуманное.

— Мне нужен список всех, кто находился в секторе Б в момент смерти Кейна, — сказала она.

Ева закивала.

— Да, конечно. Я подготовлю.

— И ещё, — добавила Кая. — Вы упомянули, что главный инженер Киреев имел доступ к камерам. Он тоже в списке?

Ева моргнула. На её лице отразилась сложная работа мысли — она явно не ожидала такого вопроса.

— Да, — ответила она после паузы. — Он имел. Но он... он вряд ли...

— Я не спрашиваю, вряд ли или нет, — перебила Кая. — Я спрашиваю, имел ли он доступ. Вы ответили. Этого достаточно.

Она повернулась к Стоуну, который стоял у входа, скрестив руки на груди.

— Где находится главный инженер?

Стоун пожал плечами.

— Не знаю. Наверное, в инженерном отсеке. Или в своей каюте. У него свой график.

— Найдите его, — приказала Кая. — Мне нужно с ним поговорить.

Стоун усмехнулся — криво, невесело.

— Следовательно, если вы думаете, что Киреев будет с вами

разговаривать, вы его плохо знаете.

— Я его знаю достаточно, — отрезала Кая. — Найдите его.

Она вышла из командного центра, не дожидаясь ответа. Коридор встретил её прохладным воздухом и тишиной. Вентиляция гудела, как обычно, но в этом гуле ей слышалось что-то новое — настороженность. Станция прислушивалась к ней, как прислушивается к незнакомцу старый дом, полный скрипов и шорохов.

Она шла по коридору, и её память монтировала кадры, создавая из разрозненных деталей единую картину. Это было её личное заклинание, её способ подчинять хаос. Она мысленно расставляла улики, как режиссёр расставляет актёров в кадре: вот труп Маркуса, вот доктор Кляйн, вот стёртые записи, вот помеха в связи. Каждый факт — отдельный кадр. Каждая деталь — монтажная склейка. Если правильно сопоставить все кадры, сложится история. Если правильно смонтировать, откроется смысл.

Но пока кадры отказывались складываться в единую картину. Чего-то не хватало. Какой-то важной детали, которая связала бы всё воедино.

Она свернула в боковой коридор, ведущий в жилой модуль. Кая замедлила шаг, позволяя внутренним органам привыкнуть к нагрузке. Спешка была врагом точности.

У входа в инженерный отсек она остановилась.

За дверью, в глубине модуля, слышался приглушённый

шум: металлические удары, свист пневматики, голос — низкий, хрипловатый, что-то напевавший. Сердце сжалось. Она знала этот голос. Она помнила его до последней обертона, до последнего дребезжания.

Алексей.

Она не видела его десять лет. Десять лет, три месяца и одиннадцать дней. Её память хранила точное число, хотя она никогда не задумывалась об этом осознанно. Даты, цифры, временные метки — они отпечатывались в её сознании, как координаты на карте. Но эта дата была особенной. Она отсчитывала не время, а расстояние — то, что пролегло между ними после катастрофы.

Её разум, этот безжалостный архивариус, воскресил воспоминание мгновенно, без предупреждения. Десять лет назад. Стартовая площадка на мысе Канаверал. Ночь перед запуском «Дедала-4». Влажный воздух, пропитанный запахом океана и керосина. Огни стартового комплекса, мерцающие в темноте, как земные звёзды. И Алексей — молодой, с лицом, не тронутым сединой, с глазами, горящими от нетерпения. Он схватил её за руку, оттащил за угол, подальше от чужих взглядов, и поцеловал — жадно, отчаянно, как будто этот поцелуй был последним.

«Если что-то пойдёт не так, — прошептал он тогда, — знай: я люблю тебя».

Она не ответила. Просто прижалась к нему, вдыхая его запах — смесь пота, машинного масла и чего-то ещё, неуло-

вимо родного. Она не сказала «я тоже». Она не умела говорить такие вещи. Она умела только помнить.

Он не обиделся. Он просто улыбнулся — той улыбкой, от которой у неё всегда теплело в груди, — и прижался лбом к её лбу.

«Ты скажешь это после. Когда вернёмся».

Они не вернулись. Не вместе.

Кая тряхнула головой, отгоняя воспоминание. Оно было слишком ярким, слишком осязаемым — как фантомная боль в ампутированной конечности. Она не могла позволить ему захватить себя. Не здесь. Не сейчас.

Она подняла руку и нажала кнопку вызова на двери.

Шум внутри прекратился. Наступила тишина — густая, вязкая, как вода. Потом дверь с шипением отползла в сторону.

Он стоял в полумраке инженерного отсека, среди труб и панелей, и смотрел на неё. Усталые глаза цвета тёмного янтаря. Преждевременная седина в тёмных волосах. Руки, вечно перепачканные машинным маслом, — теперь, как и тогда. За десять лет он изменился и не изменился одновременно: черты лица заострились, плечи опустились под невидимой тяжестью, но в глазах осталось то же упрямство, та же боль, которая всегда была его второй натурой.

Он ничего не сказал. Просто стоял и смотрел, и в этом взгляде было столько всего — изумление, недоверие, что-то ещё, похожее на панику, — что Кая на мгновение потеряла

дар речи.

А потом он отвернулся.

Медленно, как будто преодолевая сопротивление воды, он повернулся к стене и сделал вид, что занят каким-то механизмом. Его спина была как запертая дверь.

— Что тебе нужно? — спросил он. Голос прозвучал глухо, как из-под толщи металла.

— Поговорить, — ответила Кая. Её голос не дрогнул. Она не позволила.

— Я занят.

— Это не просьба.

Он усмехнулся — резко, коротко, как удар.

— Следовательно, — произнёс он, и в этом слове было столько яда, что Кая почувствовала его почти физически. — У тебя есть ордер?

— Да.

Он медленно повернулся. Его лицо было бледным, но спокойным, как вода в колодце.

— Тогда спрашивай.

Они стояли друг напротив друга в тесном отсеке, разделённые невидимой стеной из десяти лет молчания. Вентиляция гудела, перегоняя переработанный воздух. Капли конденсата срывались с потолка и падали на пол, разбиваясь о металл с тихим, печальным звуком.

— Где ты был вчера между двумя и четырьмя часами утра? — спросила Кая.

— В своей каюте. Спал.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Алексей пожал плечами.

— Станция. Логи жизнеобеспечения. Мой браслет.

— Мы оба знаем, что браслет можно снять, — сказала

Кая. — И что логи можно подделать.

Он смотрел на неё, и в его глазах медленно разгорался гнев — тот самый, старый, знакомый, который всегда вспыхивал, когда она переходила границу.

— Ты что, подозреваешь меня? — спросил он.

— Я не подозреваю. Я отрабатываю все версии.

— Версии. — Он усмехнулся. — Ты всегда любила это слово. Версии, протоколы, данные. А люди для тебя — просто переменные.

Кая почувствовала укол. Маленький, точный, как игла. Но не подала вида.

— Если у тебя есть что сказать, по существу, говори, — сказала она. — В противном случае я задам вопросы в официальном порядке.

— Валяй, — бросил он. — Задавай свои вопросы. Только не надейся, что я буду отвечать на каждый.

— Ты видел тело Маркуса?

Алексей отвёл взгляд.

— Да.

— Когда?

— После того, как сработала тревога. Я был в инженерном

отсеке. Увидел сигнал с браслета. Пошёл проверить.

— Ты пошёл в биологическую лабораторию?

— Сначала — в ось. Потом — в технический туннель. Через него можно попасть к смотровому окну лаборатории.

Кая кивнула. Она помнила этот туннель. Она знала, что он существует, — Алексей сам спроектировал его, когда они ещё работали вместе. Технический туннель, узкий, как глотка змеи. Он вёл к задней стенке лаборатории, к аварийному вентиляционному клапану.

— Что ты увидел? — спросила она.

Алексей молчал. Его руки, лежавшие на коленях, сжались в кулаки.

— Тело, — сказал он наконец. — Тело Маркуса. Парило в воздухе. А над ним — Кляйн.

— Что делал Кляйн?

— Стоял. Смотрел. С поднятой рукой.

— Что было в руке?

— Не знаю. Что-то светящееся. Цилиндр. Пробирка. Не разглядел.

Кая записала это в планшет. Пальцы двигались быстро, автоматически, но в голове её шла другая работа. Она монтировала кадры: тело, Кляйн, поднятая рука, светящийся предмет. Это была картина убийства — или его последствий. Но чего-то не хватало.

— Почему ты не вошёл в лабораторию сразу? — спросила она.

— Дверь была заблокирована. Протокол карантина.

— Кто его активировал?

— Кляйн. С терминала внутри.

— Ты мог снять блокировку.

— Я снял. Позже. Когда собрались остальные.

Кая отложила планшет.

— Ты знал, что Маркус интересовался экспериментами Кляйна? — спросила она.

Алексей нахмурился.

— Маркус интересовался всем. Он был любопытным.

— А ты?

— Что — я?

— Ты знал, что Кляйн проводит незаконные эксперименты?

Вопрос повис в воздухе. Алексей смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то — удивление? испуг? Нет. Скорее — горечь. Та самая, старая, знакомая, которая всегда появлялась, когда разговор касался того, о чём он не хотел говорить.

— Ты прилетела сюда не для того, чтобы задавать мне вопросы, — сказал он тихо. — Ты прилетела, чтобы напомнить мне о том, что я потерял.

Кая не ответила. Она не знала, что сказать.

— Ты всегда была такой, — продолжал он, и голос его становился всё тише, всё глуше. — Ты всегда видела только факты, только данные. Ты не видела людей. Ты не видела

меня.

— Алекс, — начала она, но он перебил её.

— Не называй меня так. — Он резко встал. Кресло откатилось назад, ударилось о стену. — Ты не имеешь права. Ты потеряла это право десять лет назад.

Кая почувствовала, как внутри неё что-то оборвалось. Маленькая, тонкая нить, которая всё это время держала её чувства под контролем.

— Я потеряла право? — повторила она, и в её голосе впервые прорезалась дрожь. — Это ты обвинил меня. Ты. Ты сказал, что я предала вас. Что мои данные были ложью.

— Они были ложью! — крикнул он. — Из-за них погиб Дэвид!

— Они были верными! — Кая тоже повысила голос, и слова вырвались наружу, как пар из перегретого котла. — Данные были верны! Центр управления изменил рекомендации! Они скрыли ошибку! А ты... ты поверил им, а не мне!

Он замер. Его лицо побелело.

— Что ты сказала? — прошептал он.

Кая смотрела на него, тяжело дыша. Она не планировала говорить это. Не сейчас. Не так. Но слова уже были произнесены, и их нельзя было взять обратно.

— Такаши, — сказала она. — Такаши знает. Он прочитал секретный отчёт. Спроси его. — Она сделала шаг к двери. — А пока, Киреев, я задаю вопросы. А ты отвечаешь. И если ты ещё хоть раз повысишь на меня голос, я привлеку тебя за

препятствование расследованию.

Она вышла из отсека, не оглядываясь. Дверь с шипением закрылась за ней. Коридор был пуст и тих. Вентиляция гудела, как ни в чём не бывало.

Она шла по коридору, и её шаги отдавались в тишине, как удары метронома. В голове крутились слова, которые она только что произнесла. Они были правдой — она знала это давно. Но произнести их вслух — значило сделать их реальными, а реальность оказалась тяжелее, чем она ожидала.

Она думала о Дэвиде. О том, как он смеялся. О том, как он обнимал её перед стартом, шепча: «Береги его». О том, как его лицо исчезло в огненной вспышке, когда взорвался топливный отсек. Она помнила каждую секунду. Каждый кадр. Каждый звук. И эта память, её верная тюремщица, не отпускала её ни на минуту.

Теперь Алексей знал. Или скоро узнает. Такаши не сможет молчать, если его спросят. А Алексей спросит. Он всегда добивался правды — даже когда эта правда разрушала его.

Кая остановилась у иллюминатора. За стеклом, в бесконечной черноте, горели звёзды. Они были далёкими и равнодушными, как будто их не касалось то, что происходило на этой маленькой металлической коробке, плывущей в пустоте.

Она прижала ладонь к стеклу. Оно было холодным.

Ей хотелось плакать. Но слёзы не приходили. Они давно высохли, как высыхают реки в пустыне.

Вместо этого она сделала то, что умела лучше всего. Она начала монтировать.

Кадр первый: Маркус Кейн, мёртвый, парил в невесомости. Кадр второй: доктор Кляйн, стоявший над ним с поднятой рукой. Кадр третий: Алексей, бледный, с глазами, полными боли, кричащий: «Они были ложью!». Кадр четвёртый: её собственное лицо в отражении иллюминатора — холодное, бесстрастное, как маска.

Она смонтировала эти кадры в последовательность, и перед её внутренним взором возникла картина: два человека, сломленные одной трагедией, и третий, который знал правду, но молчал. И четвёртый — тот, кто уже не мог сказать ничего.

Смысл ускользал. Истина пряталась где-то между кадрами, в тёмном пространстве, которое не заполнить никакими уликами.

Кая отвернулась от окна и пошла дальше. Впереди был долгий день.

Ева Розен сидела за консолью, когда дверь командного центра открылась и вошла Кая. На этот раз следователь была одна — Стоун ушёл допрашивать кого-то, Кляйн остался в своей каюте под негласным домашним арестом.

— Мне нужен доступ к личным файлам Маркуса Кейна, — сказала Кая, не тратя времени на приветствия.

Ева подскочила.

— Да, конечно. Но... это может быть непросто. Его тер-

минал в каюте защищён.

— У вас есть права администратора.

— Есть, но...

— Никаких «но». — Кая присела на край соседнего кресла. — Откройте.

Ева закивала, застучала по клавиатуре. На экране побежали строки кода.

— Странно, — пробормотала она.

— Что?

— Файлы Кейна частично зашифрованы. Необычный алгоритм. Кто-то поработал над ними. — Она подняла глаза. — Я имею в виду, до его смерти.

Кая наклонилась ближе.

— Сможете расшифровать?

— Попробую. — Ева снова уткнулась в экран. Её пальцы летали, губы беззвучно шевелились. — Вот. Есть. Какие-то аудиофайлы. И текст.

— Открывайте.

Ева щёлкнула по иконке. Из динамиков раздался голос Маркуса — молодой, взволнованный, с лёгкой хрипотцой.

«...если кто-то это слушает, значит, я не зря перестраховывался. Доктор Кляйн проводит какие-то эксперименты в биолaborатории. Ночью. В обход протоколов. Он думает, что я не знаю, но я видел. Там какой-то материал, он светится... Я не знаю, что это, но это опасно. Я не могу пока никому сказать. Мне нужно больше доказательств. Если я ошибаюсь,

я вызову бурю в стакане. А если не ошибаюсь...»

Запись оборвалась. В тишине командного центра было слышно, как гудит вентиляция.

— Это всё? — спросила Кая.

— Там ещё несколько файлов, — ответила Ева, бледная как полотно. — Я... я не знала. Клянусь.

Кая смотрела на экран, где застыл значок аудиофайла.

— Отправьте копию на мой планшет, — сказала она. — И никому ни слова.

Ева закивала.

— И ещё, — добавила Кая. — Где живёт Оливия Шоу?

— Лив? — Ева моргнула. — В жилом модуле «Б». Каюта четырнадцать.

Кая кивнула и вышла.

Она шла по коридору, и её память прокручивала запись снова и снова. Голос Маркуса — испуганный, но решительный. Он знал. Он увидел что-то и начал копать. И это привело его к смерти.

Если только он не ошибался.

Если только доктор Кляйн действительно занимался чем-то опасным.

Она дошла до каюты номер четырнадцать. На мгновение остановилась, собираясь с мыслями. Из-за двери доносилась тихая музыка — что-то земное, лирическое, полное тоски. Кая нажала кнопку.

Дверь открылась. На пороге стояла Оливия Шоу — ми-

ниатюрная, с копной огненно-рыжих волос, собранных в небрежный пучок, с веснушками на бледном лице и ярко-зелёными глазами, которые сейчас смотрели на Каю с тревогой и вызовом одновременно.

— Следователь Новак, — сказала Кая. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Лив отступила, пропуская её внутрь.

— Заходите.

Каюта была небольшой, но уютной — насколько вообще могло быть уютным помещение три на три метра на орбитальной станции. На стенах — снимки каких-то растений, на полках — книги в мягких обложках, на столе — полупустая чашка остывшего чая.

Кая села в предложенное кресло, обвела помещение взглядом. Что-то привлекло её внимание — фотография на тумбочке у койки. Она не видела её содержания, но заметила краешек: пожелтевшая от времени, с загнутым углом.

— Вы давно на станции? — спросила она.

— Полгода, — ответила Лив. — Биоинженер. Работаю с доктором Кляйном.

— Вы хорошо знали Маркуса Кейна?

— Мы общались. Он был... хорошим. Слишком хорошим для этого места.

— Что вы имеете в виду?

Лив пожала плечами.

— Он был энтузиастом. Верил в людей. В науку. В то, что

всё можно исправить. — Она усмехнулась. — Такие долго не живут.

Кая записала это. Потом спросила:

— Вы знаете, чем занимался доктор Кляйн в лаборатории в нерабочее время?

Лив подняла глаза. В них мелькнуло что-то — страх? Нет, скорее, настороженность.

— А вы? — спросила она вместо ответа.

— Я задаю вопросы, — напомнила Кая.

— А я могу не отвечать.

— Можете. Но тогда я задам их в присутствии майора Стоуна и запишу ваш отказ. Это будет выглядеть... некрасиво.

Лив сжала губы. Потом вздохнула.

— Я знаю, что Кляйн проводил какие-то эксперименты. С биоматериалами. Он никому не говорил, что именно делает. Запирался в лаборатории. Меня не подпускал. — Она помолчала. — Маркус пытался выяснить. Он говорил, что видел что-то странное. Какое-то свечение.

— И что вы сделали?

— Ничего. Сказала ему, чтобы не лез. Что это опасно. — Лив снова отвела взгляд. — Он не послушал.

Кая смотрела на неё. В её памяти всплыл фрагмент записи: «Я не могу пока никому сказать. Мне нужно больше доказательств». Маркус не послушал и Лив. Он лез, пока не наткнулся на то, что не должен был увидеть.

— Вы знаете, кто мог желать ему смерти? — спросила Кая.

Лив покачала головой.

— Нет. Он был безобидным. Все его любили.

— Все? — переспросила Кая. — Доктор Кляйн тоже?

Лив промолчала. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь гулом вентиляции.

— Я не знаю, кто убил Маркуса, — сказала она наконец.

— Но, если вы найдёте его, я хочу, чтобы он заплатил.

— Это моя работа.

— Хорошо, — прошептала Лив.

Кая вышла в коридор. Дверь закрылась за ней с тихим шипением. Она стояла в полумраке, прижавшись спиной к холодной стене, и слушала, как бьётся её сердце — ровно, методично, как метроном, отсчитывающий время до неизбежного.

Станция гудела вокруг неё, как огромный улей. Воздух был спёртым, с привкусом металла. Где-то далеко, за переборками, звёзды горели своим холодным, равнодушным светом.

Кая оттолкнулась от стены и пошла в командный центр.

И где-то в глубине её памяти, в тёмном углу, который она старалась не открывать, жила маленькая, слабая надежда: что когда-нибудь, когда расследование закончится, она сможет простить себя. И, может быть, Алексей простит её тоже.

Но это было глупо. Надежда — это ошибка в коде. А

ошибки в коде приводят к катастрофам.

Она знала это слишком хорошо.

Ночь на станции «Гелиос-7» наступила незаметно, как и всегда. Просто свет в коридорах стал чуть тусклее, а гул вентиляции — чуть тише, как будто станция погружалась в чуткий, настороженный сон.

Кая лежала в койке, отведённой ей каюты и смотрела в потолок. Сон не шёл. Она и не ждала его. Память, её вечная спутница, прокручивала перед ней кадры прошедшего дня, монтировала их в бесконечные последовательности.

Кадр первый: шлюз, запах переработанного воздуха.

Кадр второй: Стоун, застывший в дверях.

Кадр третий: Кляйн, его водянистые глаза за стёклами очков.

Кадр четвёртый: Алексей, бледный, кричащий: «Они были ложью!».

Кадр пятый: Лив, её слёзы, её отчаянная просьба.

Кадр шестой: лицо Маркуса на фотографии в личном деле — улыбающееся, живое, не знающее, что через несколько месяцев оно превратится в восковую маску.

Она смонтировала эти кадры в новый фильм, и он получился мрачным, полным недоговорённостей и глухих углов. Но в самом конце, как вспышка, возник ещё один кадр — тот, что был старше всех остальных.

Десять лет назад. Ночь перед стартом. Алексей, прижимающий её к стене, его горячее дыхание на её щеке, его слова:

«Если что-то пойдёт не так, знай: я люблю тебя».

Она закрыла глаза.

Эффект Кулешова работал безотказно. В её голове кадры складывались в смысл, которого она не хотела видеть.

Истина была в том, что она всё ещё любила его.

И это было самое страшное из всего, что она знала.

Глава 3.

Алексей Киреев не спал.

Он лежал в своей каюте, в жилом модуле, где искусственная гравитация прижимала его к матрасу с силой, которая должна была бы успокаивать, но вместо этого лишь напоминала о тяжести всего, что он носил в себе. Вентиляция гудела над головой — ровно, монотонно, как дыхание спящего зверя. Станция не спала. Станция никогда не спала. Она бодрствовала вместе с ним, переваривая переработанный воздух, гоняя теплоноситель по трубам, отслеживая тысячи параметров, которые должны были оставаться в норме.

Норма. Слово, которое он повторял про себя, как мантру, как заклинание против хаоса. Всё в норме. Давление в контуре охлаждения — норма. Температура реактора — норма. Уровень кислорода — норма. Всё в норме, кроме одного.

Она была здесь.

Кая Новак. Следователь Межпланетного управления безопасности. Женщина с фотографической памятью и серд-

цем, которое, как он когда-то верил, было способно любить. Женщина, которую он обвинил в гибели лучшего друга. Женщина, которая только что, несколько часов назад, стояла в дверях его инженерного отсека и смотрела на него так, будто это он был виноват во всём.

А может, и был.

Алексей перевернулся на бок. Койка скрипнула. Он закрыл глаза, но перед внутренним взором снова всплыло её лицо — острое, бледное, с серыми глазами, которые ничего не упускали. Она задавала вопросы. Она требовала ответов. Она смотрела на него, как на подозреваемого, как на незнакомца, как на человека, которого когда-то знала, но теперь не хотела знать.

«Ты всегда был трусом, Алекс».

Он не знал, было ли это реальное воспоминание или игра воображения. Но слова звучали так отчётливо, что он почти слышал её голос в гуле вентиляции. Почти видел её лицо в тенях на потолке. Почти чувствовал её запах — тот самый, который преследовал его десять лет.

Он встал.

Резко, зло, отбросив одеяло в сторону. Босые ноги коснулись холодного пола. В каюте было темно, только индикатор на стене мигал зелёным — системы работали, всё в норме, всё под контролем.

Контроль. Он потерял его десять лет назад. И с тех пор не мог найти.

Он подошёл к умывальнику, плеснул в лицо холодной воды. Вода пахла рециркуляцией — хлоркой и чем-то ещё, неуловимо металлическим. Он вытер лицо жёстким полотенцем, посмотрел на себя в мутное зеркало.

Из отражения на него смотрел человек, которого он не узнавал. Седина в тёмных волосах, глубокие морщины у рта, тёмные круги под глазами. Он выглядел старше своих тридцати девяти. Старше на целую жизнь.

«Ты всегда был трусом».

Он швырнул полотенце в угол. Оно ударилось о стену и упало на пол, как мёртвая птица.

Потом он оделся — быстро, машинально, не глядя на то, что берёт. Комбинезон инженера, чистая футболка, старые ботинки, которые помнили ещё Землю. В кармане — инструмент, который он всегда носил с собой: маленькая отвёртка с потёртой рукояткой, подарок отца. Он не помнил, когда в последний раз пользовался ею. Но без неё было беспокойно.

Он вышел в коридор.

Станция встретила его привычным полумраком ночного режима. Светильники горели вполнакала, отбрасывая длинные тени на стены. Вентиляция гудела тише, чем днём, как будто станция тоже погружалась в чуткий, настороженный сон. Но Алексей знал: сон этот обманчив. Станция никогда не спала по-настоящему. Она лишь притворялась, чтобы не пугать людей.

Он шёл по коридору, и его шаги отдавались в тишине глухим, тяжёлым эхом. Коридор изгибался, уводя его в сторону оси. По мере приближения к центру гравитация слабела, тело становилось легче, и он перешёл на привычный скользящий шаг, отталкиваясь от поручней.

Он не знал, куда идёт. Ноги вели его сами — по знакомым переходам, через технические галереи, мимо закрытых дверей. Он шёл, как ходят во сне: без цели, но с ощущением, что цель где-то есть, просто скрыта за поворотом.

И вдруг он понял.

Он шёл туда, где десять лет назад всё закончилось. Туда, где он в последний раз видел её перед разлукой.

Это было в другом месте. На другой станции. Но память не различала металлических переборок — для неё все коридоры были одним коридором, все двери — одной дверью.

Он остановился.

Перед ним был переход в ось — узкий цилиндр, оплётённый кабелями, с рядами поручней, уходящими в темноту. Здесь невесомость вступала в свои права, и тело теряло вес, как душа теряет привязанность к земле. Алексей ухватился за поручень и позволил себе всплыть.

Воспоминание пришло без предупреждения, как всегда.

Десять лет назад. Станция «Дедал-4». Через три часа после катастрофы.

Он стоял в переходном отсеке, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел на неё. Кая была бледной, растрё-

панной, в разорванном комбинезоне, с кровью на руках. Её глаза — серые, огромные на осунувшемся лице — смотрели на него с выражением, которое он тогда не смог понять. Позже он понял: это была мольба.

— Это моя вина, — прошептала она. — Я передала данные. Я ошиблась.

— Ты ошиблась, — повторил он. Голос его был пустым, как космос за стенами. — Ты ошиблась, и Дэвид умер.

Она вздрогнула, как от удара.

— Алекс, я не хотела...

— Что ты не хотела? — Он шагнул к ней, и она отшатнулась. — Ты не хотела, чтобы он умер? Но он умер. Ты не хотела, чтобы я выжил? Но я выжил. — Он рассмеялся — хрипло, страшно. — Ты получила всё, что не хотела. Поздравляю.

— Прекрати, — сказала она. — Пожалуйста.

— Прекратить? — Он снова шагнул к ней, и на этот раз она не отступила. Просто смотрела на него, и в её глазах стояли слёзы. — А ты прекратила, когда отправляла эти чёртовы данные? Ты прекратила, когда твоя ошибка убила нашего друга?

— Я не убивала его! — крикнула она. — Это был несчастный случай!

— Это был не случай! — крикнул он в ответ. — Это была ты! Твоя самоуверенность! Твоя грёбаная уверенность, что ты всегда права!

Она отшатнулась, как от пощёчины. Слёзы текли по её щекам, оставляя светлые дорожки на грязной коже.

— Я не всегда права, — прошептала она. — Я ошибалась. Я ошибалась в тебе.

И ушла.

Он помнил, как она уходила: спина прямая, шаги твёрдые, несмотря на слабую гравитацию переходного отсека. Он помнил, как дверь закрылась за ней, отрезав его от неё навсегда. Помнил, как стоял в тишине, слушал гул вентиляции и понимал, что потерял не только Дэвида, но и её.

И помнил, как не побежал за ней.

Это было самое страшное. Не его слова. Не её слёзы. А то, что он остался стоять, как вкопанный, позволив ей исчезнуть в коридоре. Позволив десяти годам молчания вырасти между ними, как ледяная стена.

Теперь она вернулась.

И он снова стоял, не в силах сдвинуться с места.

Командный центр встретил Каю Новак запахом кофе и пота. Она сидела за одной из консолей, разбирая логи доступа в сектор Б, когда дверь с шипением открылась и вошёл майор Стоун.

Он был в форме — той самой, с идеально отглаженными стрелками, — и выглядел так, будто не спал всю ночь. Глаза покрасневшие, шрам на подбородке казался глубже, чем вчера. Он подошёл к её консоли и встал, скрестив руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.